

ИЗВЕСТНЫЙ читателю по книгам «На моей земле», «В середине лета», «Хозяин», «Вот моя деревня...» новгородец Юрий Красавин и в новых повестях «Слово о моей Нерли» и «Великий мост», включенных в книгу «Поречье», ведет серьезный, вдумчивый разговор о судьбах современников, о нынешнем переломном моменте в жизни села, преимущественно нечерноземной полосы, о связующих духовных нитях между историческим прошлым Руси и днем сегодняшним.

По сути своей, даже сюжетная проза писателя носит исповедальный характер. Это проявляется не только в ее автобиографичности, ощущении постоянного присутствия автора, под какими бы именами его герои ни выступали, но и в публицистических и лирических отступлениях, в скрупулезном порой перечислении имен, биографических сведений, житейских деталей. Это и приводит зачастую к тому, что, вникая в интересные частности, наблюдательный читатель не может сразу, как говорится, разглядеть за деревьями леса. И хотя «Слово о моей Нерли» автор назвал «повестью без вымысла», последняя перекликается с ранее изданной сюжетной повестью «Вот моя деревня...». Множество персонажей, в основном эпизодических, множество событий деревенской жизни, не всегда значительных в ткани художественного повествования, но все-таки дополняющих общую картину сельских будней...

Путешествуя день за днем по окрестностям Нерли, где прошли его детство и юность, автор стремится с достоверной точностью отразить сегодняшние дела и устроения сельчан, успевает заглянуть и к председателю колхоза, и в исполком, и на ферму, и в библиотеку, и бывшим учителям и школьным товарищам, и к близким и дальним родственникам. И везде пытается принять живое участие, «у каждого свои слабости, я же готов влюбиться в человека, который

привержен к деревне; мне долго памятливы разговоры, в которых кто-нибудь выразил свою привязанность к ней», — признается автор. И все-таки: «В самом же себе постоянно ощущаю некое виноватое чувство оттого, что вот сам-то я для нее негоден, что сам-то я оторгнут от живой ткани сельской жизни и, очутившись нынче в ней, я лишь инородное тело, и не более того». Эту ностальгию по родным местам объяснить легко, но что должен, что может сделать человек, чтобы земля, вскормившая его, не осталась безлюдной, с заколоченными ставнями домов?

Ю. Красавин иногда находит утешение хотя бы в том, что, допустим, «Николай Некрасов работал после армии в Калези. Не в службе горгаза, а сейчас

тейскими тайнствами и нюансами интеллигентной городской жизни, зачастую скрытой от стороннего взгляда. Через все повествование проходит образ главного героя Владимира Андреевича Мережникова, одного из руководителей учреждения культуры, человека ученого, увлеченного историей новгородской земли. Не будем пересказывать сюжетный ход повести, все коллизии личной судьбы главного героя. Читатель не без интереса проследит все это сам. Заметим, однако, что центральная мысль повести — утверждение духовного родства с дале-

веньку — по иронии судьбы и называлась-то она Выселки. Умерла жена. Старший сын погиб на фронте. Переселился Пожидав с младшим сыну в Новгород. Все удобства, каждый вечер смотрит передачи по телевизору. И относится к нему в семье сына с вниманием, живут в полном достатке. Еще был сын — директор школы, сноха — учительница, внуки прилежно учатся. Радуются бы старину. А он все дело ищет! Вот занялся благоустройством двора, неподалеку от дома облюбовал заброшенную рощицу и обиходил ее. Да только угорюжил все семейство посетить его любимое место, а там уже прошелся бульдозер. Не может понять старик: зачем люди природу губят?

Одна отрада в доме — гармо-

сколько прямолинейно. И характер сына проявляется только в прощальном разговоре с отцом. Думается, не совсем удачны диалоги деда с внуками, Старший внук Андрей своим резонерством и щеголянием заумными для его возраста «учеными» разговорами, пересыпанными всяческой терминологией, очень уж напоминает героя повести «Великий мост» — научного сотрудника Мережникова. Заметим, что автор не всегда добивается четкой речевой характеристики своих героев (кстати, почему чуть ли не все персонажи от мала до велика вставляют в свою речь излюбленное автором «небось»?).

Рассказы Ю. Красавина не все равнозначны по уровню художественного исполнения. Иногда автор не показывает жизнь, а рассказывает о ней. Но самые удачные, на наш взгляд, полнокровные, психологически достоверные — «Веселые люди», «Та, что остается», «Свои», «Письмо», «Болельщик», «Васена». Каждый из них трогает доверительностью, отзывчивостью и добросклонностью автора к своим героям, людям простым и понятным. И хорошо, что в рассказах проявляются и юмор, и мягкая ирония автора.

Автору не всегда удается донести житейскую правду до художественной, он спешит, как журналист в командировке, увидеть сразу все и обо всем поведать (и о коровах, и о порядке дня на ферме, и о технологии пимокатного дела и т. п.). Он спешит, отдавая дань поверхностной описательности, иногда натурализму. Очевидно, от этого более запомнятся некоторые мысли автора, эпизоды, нежели иные герои повестей, очерченные зачастую штрихами, бегло.

Эти замечания хотелось бы сказать, ибо автор талантлив, сопричастен душой искренне и заботливо жизни своих современников, своей родной земле.

Борис КНЯЗЕВ

МОСТЫ, СВЯЗУЮЩИЕ ДУШИ

он — механизатор в «Дружбе». Николай Ульянов некоторое время жил в Липецке, а ныне он — колхозный шофер. Леонид Пискунов... тоже вернулся в деревню». И так же другие тянутся в родные места. И потому, покидая «этот клочок земли», автор хочет уверить не только себя, но и читателя: «В эти минуты как-то особенно ясно я почувствовал, что на нем творится, совершается Жизнь во всей ее полноте и многообразии, а жизнь каждого человека вплетается в нее, как малый родничок в течение великой реки. И мой родничок тоже». И — каждого, добавим.

Деревня по сравнению с городом — вся на виду, в ней от людей трудно что-либо утаить. Тем более если сам автор выходец из нее. Поэтому интересен в соотношении с предыдущими произведениями Ю. Красавина его опыт психологической прозы — повести «Великий мост», увлекающей читателя жи-

ким и близким прошлым родной земли, поиск этого родства с людьми, живущими рядом ныне. В этом плане обе повести, впрочем, как и прежние произведения писателя, перекликаются.

Особенно обнаженно мотив ностальгии по деревне, по родным местам звучит в повести «Хорошо живу». Здесь мы узнаем те же места, что описывает автор во многих своих произведениях. Но не просто тоска по малой родине снедает старика Евгения Евгеньевича Пожидав, бывшего фронтовика, прошедшего пол-Европы. Был он всего-навсего кашеваром, но считает, да на фронте так оно и было, что дело это почетное и нужное. Недаром же он был награжден орденами Славы и Отечественной войны.

С укрупнением колхоза вывели их маленькую дере-

вню. С ним-то и отводит душу Пожидав, угадав в нем выходца из деревни. Как бы дед ни клонил разговор к тому, что в деревне жизнь естественнее, натуральнее (там всегда дело есть), строитель-гармонист ему одно: «Хорошо живу». И зарплатой не обижен, и все в квартире есть, и жена «по зарплате мне не уступит». Так что «хорошо живу, дед».

И все-таки, когда Пожидав уезжает в деревню — сестре помочь по дому, по огороду, — «Хорошо живу» с тоской признается ему, что у него не так что-то сложилось в жизни.

«Покой душе нужен. А душа у меня покойна, когда руки при деле», — мысленно говорит Пожидав-старший сыну. Вот и весь сказ его. И еще напоследок он сказал: «Родина там моя. Пусть все меняется... А родину не заменишь, она у каждого человека здесь! — старик стукнул ладонью по груди. — И не меняется».

Образ Евгения Евгеньевича впечатляет. Может быть, лишь иногда он подается автором не-